

Соб. культура. - 1991, - 20 апр. - с. 5

Тогда в Брюсовском...

Открыв дверь, я сразу видела себя в высоком старинном зеркале. Два сияющих глаза, в руках букет сирени, пахнущей свежестью... и Рахманиновым. Анатолий Петрович, открывая дверь, здоровается со мной за руку, я мгновенно превращаюсь «в красавицу». Это как сказка, бегу по лестнице — одна, после руко-

пожатия возвращаюсь — совершенно другая. Меня ждет внизу подружка Валечка, я «красавицей» вылетаю из подъезда, и мы идем гулять по улице Горького. В училище я рассказываю, что забегала к Кторовым.

Во МХАТе тогда говорили, что Кторов устарел. Он артист немного кино и вообще другой школы, он коршевский. В училище ни ему, ни Вере Николаевне Поповой преподавать не разрешали. Веру Николаевну выпроводили на пенсию, и ее последний потрясающий «Осенний сад», кажется, сразу или немного после — сняли.

В Москву приехал мой дядька, профессор, знаменитый одесский хирург, и когда я, влетев в дом, выпалила, что я от Веры Николаевны Поповой, он замер с рюмкой водки в руке и тихо сказал: «Боже мой, если ей когда-нибудь, что-нибудь будет нужно... для меня это такая честь, передай, пожалуйста. Господи, какая это актриса! Университет был влюблен в нее — вся моя молодость!» Я замерла, и только умница Наташа Захава, когда я ей это рассказала, мне ответила: «Ну, конечно, это же за-ме-ча-тельные артисты!».

«Замечательные артисты» жили в Брюсовском переулке. Самым удивительным в доме

были стулья. Обычные стулья, с круглыми спинками и дырочками в сиденьях. Такие стулья раньше были у всех в Москве, но все их вдруг выкинули, отдали в деревню или на дачу. А у них они были золотисто-желтые, и им было совершенно наплевать на моду. Им было удобно. В узком длинном кабинете, на очень широком подоконнике стояли кактусы. На стенах изящно окантованные фотографии: Качалов, Марина Семенова — Одетта, те, кого они любили.

Семенова была их другом. Из-за нее я познакомилась с ними и была допущена в дом. Вера Николаевна Попова встретила меня тогда холодно: «Что это вы все хотите в театр!» А когда я ей прочитала «В овраге» Чехова и «Безумцев» Беранже, сказала Кторову: «Ей надо обязательно поступать». Я поступила в Щукинское, к Захаве. И долго-долго ходила в этот дом...

Я стою у Зала Чайковского, у большой афиши, что рядом с дверью филармонии. Из дверей выходит Кторов в клетчатом пиджаке, элегантный. «Анатолий Петрович, я так рада, что вы отсюда вышли, вот чудо. У меня сегодня день рождения, и я вас увидела — это же просто подарок». Он быстро подходит к киоску с цветами и покупает пять хризантем. «Как дела, Ната-

шенька?» — «Я очень много играю, много езжу». «Это счастье, счастье, — говорит он. — Вы знаете, ведь я десять лет получал зарплату, ничего не делая, а сейчас, после «Войны и мира», меня приглашают в Голливуд, а я не могу, я — старик...»

Первым «Милого лжеца» поставил в Ленинграде Николай Павлович Акимов. Театр приехал в Москву. Вера Николаевна взяла меня с собой на спектакль Акимова в Зал Чайковского. Пьесы я не знала. В антракте мы ходили по круглому фойе. И мне кажется, что Вера Николаевна «увидела» мхатовский великий спектакль уже тогда, в круглом фойе Зала Чайковского. Она уже видела Кторова — Шоу, трагического Кторова, такого, каким, кроме нее, никто его не знал.

Это был спектакль, после которого зрители не могли заснуть. Говорят, что даже Англию он потряс.

...Весной я иду по Брюсовскому, мимо церквушки в Неждановском, подхожу к дому и смотрю на окна, в которых уже не мелькнут их лица. Сколько раз в трудную минуту я бежала к этому дому, к этим окнам...

Наталья МАЕВА.

● Вера Николаевна Попова и Анатолий Петрович Кторов. Фото И. Александрова.

